

из предложения, акт порождения «трактатовских»¹³⁴ Sachverhalten, ситуаций. Таким образом, акт утверждения события есть категория $s/(n/s)$. В этом случае легко заподозрить стратегию комбинированных логик в некотором «злоупотреблении», т. к. акт образования предложений из имен событий, ранее уже образованных из предложений, выглядит совершенно излишним.

Этот вопрос остается открытым. Нам представляется, что порождение событий из предложений является лишь предельно простейшим случаем. В поддержку комбинированной онто-гносеологической стратегии построения логических систем выступает проект динамической комбинированной логики¹³⁵, где строится процессуальная семантика событий, а их образование из предложений либо невозможно, либо требует радикальных логико-семантических модификаций.

СИНГУЛЯРНОСТЬ КАК КОНЦЕПТ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

Д. В. Котелевский

*кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии
и теории познания Департамента философии Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

Практически всегда переосмысление смыслового поля философии сопровождалось изменением понятийного пространства философии. Очевидные парадигмальные сдвиги, происходящие в современной философии, сопровождаются возникновением новых философских концептов. Многие из этих концептов еще не устойчивы, зачастую заимствованы из других областей знания. Однако, многие из них уже в настоящее время обнаруживают свои описательные возможности, кристаллизуя пространство новых философских идей и проблем. Одним из таких понятий, возникших в современной философии, является понятие Сингулярности.

Причиной возникновения данного понятия во многом являлись попытки разрешения ряда противоречий, возникающих в классической философии и не имевших в ее рамках нового продуктивного решения. Такими проблемами, в частности, являлся вопрос о сущности

¹³⁴ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1958; Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Гнозис, 1994.

¹³⁵ Кислов А. Г. О проекте динамической комбинированной логики // Онтология возможных миров. СПб.: СПбГУ, 2001. С. 38–54.

конкретного, единичного бытия, а также определения отношения единичного и множественного, абстрактного и конкретного.

Само понятие сингулярность в гуманитарной системе знания начало употребляться в семиотике и аналитической философии. Однако, в рамках данных направлений мысли оно было также весьма маргинальным и неясным, в том числе для тех, кто использовал данное понятие. Фактически, в значительной степени философски продуманным и сущностно включенным в сферу размышления оно становится, в первую очередь, в современной французской философии. Из французских философов, пожалуй, наиболее полную и оригинальную трактовку это понятие получает в философии Жюлья Делеза.

Для Ж. Делеза значение понятия «сингулярность» оказывается близким понятию «Событие». Интерпретация этого понятия у Ж. Делеза сближает его с лейбницевскими размышлениями о «монаде», которую Ж. Делез стремится проинтерпретировать как внеантропологическое онтологическое событие. Однако, все те вопросы, которые значимы для Лейбница, как например, вопросы, о том, как полностью закрытая, «не имеющая окон», монада может общаться с другими монадами и вопрос о том, как вообще возможно познание мира этой замкнутой монадой, оказываются существенны и для Ж. Делеза.

Понятие сингулярности, используемое Делезом во многих его работах, позволяет ему прояснить способ, каким существует множественность и единичность, та единичность, которая сущностно предшествует абстрактному единству (Единому). Заслуга интерпретации сингулярности Делезом также заключается в том, что сущность понятия «сингулярность» у него раскрывается в результате соотнесения его с понятием серии, в частности через понятия схождения и расхождения серий. На наш взгляд раскрытие смысла понятия сингулярности через понятие серии является весьма продуктивным и позволяющим понять смысл событийности.

Сингулярность, как уже было сказано можно понять как событие, имеющее смысл или, другими словами, сам смысл. Само Событие, с одной стороны, носит точечный характер, с другой стороны, поскольку Событие связано с другими Событиями, его необходимо рассматривать как носящее континуальный характер, что на поверхностном уровне бытия фиксируется как невозможность для События существовать изолировано от других событий. Событие, с одной стороны связано с другими событиями, с другой стороны, само Событие может быть проинтерпретировано различным образом. Такое понимание континуальности, однако, вовсе не должно приводить к «размыванию» смысла События и перетеканию его смысла в какой-либо другой. Смысл события остается характеризующимся

понятием точки, однако, точка, носит пролиферированный характер. Подобная пролиферированная точка может быть понята как серия. Любой смысл, любое Событие, имеющее свой смысл, может быть переинтерпретировано в пределах этой пролиферированной точки, которая предстает как серия или как линия, исчерпывающая все варианты модификации этой точки. В пределе возможности для такой модификации бесконечны и точка События тогда совпадает со всем миром. Весь мир может быть понят как множество вариаций одного События. С другой стороны, точка События, несмотря на свою пролиферацию, продолжает носить точечный характер и это означает, что пролиферированная точка является в то же самое время серией, другими словами линией. Но поскольку каждая точка линии может рассматриваться как исходная для ее развертывания в серии (линию), то тогда сама линия представляется не единственной, а линией, наложенной на другие линии, Каждая из которых является, в сущности, развертыванием другой точки.

Связь точечных Событий осуществляется как раз через это наложение линий как пролиферированных точек. Пролиферация, таким образом, позволяет осуществлять связь заведомо точечных Событий через сериацию. Серия – это серия точек, серия пролиферированных сингулярностей. Серия одновременно и единственная пролиферированная точка, которая через свою модификацию осуществляет преобразование смысла События и, таким образом, связь его со всеми другими Событиями и ряд точек Событий, пролиферации которых наложены друг на друга.

Существует разные События или можно сказать, что существует разное События, Различие События. Само различие Событий существует разным образом. Одни события сосуществуют как соотносимые, дополняющие друг друга. Другие События существуют как невозможные, определяя невозможность сочетания разных событий. В этом мире невозможны, например, синий снег или зеленая роза. В сущности, эта невозможность является невозможностью, лежащей в основании этого мира. Она указывает на ту невозможность, которая как раз и является существенной чертой понимания реальности как невозможности или ограниченности возможностей разных событий. В сущности эта невозможность является невозможностью, лежащей в основании этого мира. Такая невозможность может быть понята как «пустое место» Ж. Лакана. «Пустое место» у Ж. Лакана, с одной стороны – изначально невозможное место, место противоречия как такового, чисто фантазматическое пространство, с другой стороны – это место, организующее расположение всех предметов и мест бытия и потому являющееся центральным местом. Пустое место или пустой объект есть место или объект желания, которого нельзя, как это отмечает Лакан, в рамках одной и той же логики определить или другими словами

высказываться о нем и одновременно иметь его как объект желания. Пустое место есть невозможное как таковое. Фантазм представляет собой такое чистое пустое место, место или событие, которое невозможно по условиям законов этого мира. Фантазм никогда не достижим, он является пределом по отношению к которому организуются вещи мира. В этом смысле фантазм – это всегда «другая» сторона события или происходящего. «Другая» сторона может быть видима в том смысле, в котором «наблюдаем» фантазм, но между «этой» стороной и «другой» стороной, представляющей собой фантазм, существует абсолютная граница. Попытка пересечения ее обнаруживает плотность этой границы по мере «приближения» к ней. Такая граница никогда не пересекается в качестве «этой» границы, поскольку фантазм есть «нереальное» этого мира и достижение фантазма означало бы принесение нереального в этот мир, разрушение законов этого мира. Подобная граница может преодолеваться всегда только как другая граница, как граница другого. В этом смысле преодоление границы и «достижение» объекта желания – это всегда смещение этой границы, создание нового фантазма, нового отношения между «реальностью» и «действительностью». Фантазм, таким образом, обнаруживает самим фактом своего бытия, что мир содержит внутри себя невозможное или невозможное. Сам фантазм является попыткой прикрыть, скрыть это невозможное, но в результате оно обнаруживает себя в зиянии недостижимости фантазма, которое является недостижимостью определенной совозможности как таковой.

Однако, почему одни События существуют как возможные, а другие как невозможные. Очевидно, к этому приводит определенное строение бытия, которое определяет возможность совместности некоторых Событий. Возникает вопрос, – каким образом события совмещаются, как они становятся совместными? По-видимому, это и можно считать фундаментальным вопросом всего философского знания. При всей невозможности дать однозначный ответ на данный вопрос, хотелось бы указать на некоторые возможные способы его осмысления. Продуктивным «понятием» в контексте осмысления вопроса строения мира и субъективности может быть понятие «прихвата».

Понятие «прихват» дает возможность раскрыть механизм фиксации события. По сути, Событие обнаруживается в тот момент, когда сингулярность встречается с другой сингулярностью. В каком-то смысле Событие существует и до «прихвата», но обнаруживается оно только в его результате. Потому «прихват» возникает не на уровне структуры сингулярного, а на уровне индивидуально-совмещенной сингулярности, и предполагает наличие наблюдения и фигуры наблюдателя. Наблюдатель одновременно фиксирует Событие и, в тоже время, лишает событие сингулярности.

Событие совмещается, совмещается дважды, дублирует себя, становится двойственным и в тоже время фиксированным.

Подобную ситуацию превращения сингулярного События можно проиллюстрировать через пример из фильма Питера Гринвэя «Повар, вор, его жена и ее любовник». Сексуальность «жены» является сингулярной, какой, впрочем, сексуальность является почти всегда. По ходу фильма мы видим, что происходит между ней и ее «любовником». После смерти «любовника» «жена» уже не уверена в тех событиях, которые имели место. Смерть любовника обрывает коммуникационные линии, формирующие Событие встречи их тел. Для того, чтобы быть удостоверенной в том, что это Событие имело место, она вынуждена задать вопрос повару: «Что ты видел?». Лишь описание события встречи их тел, сделанное поваром, возвращает Событию реальность, фиксируя его.

Точка прихвата, поэтому является точкой фиксирования двойственности, сов-местности. Совместность в этой точке не просто существует, но еще и фиксируется, обнаруживается. Здесь совместность обнаруживается как определенная совместность и двойственность и вместе с тем как «чистая» сов-местность, предшествующая субъективности и индивидуальности. Преодоление ситуации монологизма и открытие Другого, таким образом, возможно в результате открытия сов-местности бытия. Мир – это встреча, совместность некоторых событий. Эта сов-местность не существует в качестве раз и навсегда определенной. Сама совместность является открытой, что приводит к тому, что любое конкретное, индивидуальное, в бытии постоянно переопределяется.

Методологически данные моменты несколько в ином контексте раскрыты в философии Жака Лакана, для которого понятие «прихвата», «пристежки» является определяющим. Работая в несколько другой системе координат, Ж. Лакан задается вопросом о том, что же такое субъект, Я? По мысли Лакана Я возникает в тот момент, когда происходит присвоение означающего. Сама система знаков для субъекта не имеет смысла до тех пор, пока сам субъект не окажется включенным в него. Включение же субъекта в знаковую систему собственно и интерпретируется как «прихват». В результате подобного прихвата субъект только и включается в данную структуру, причем включается таким образом, что о нем можно говорить только как о субъекте, возникшем в результате такого «пристегивания» к системе означающих. Данный момент проговаривается Лаканом несколько по-разному в работах разных лет. В своей работе «Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я» Лакан подчеркивает значение возникновения образа собственного Я как необходимого для формирования человеческой психики. В работе «Ниспровержение субъекта и диалектика

желания в бессознательном у Фрейда» Лакан представляет уже более сложную схему понимания субъекта, рисуя целую серию графов, поясняющих динамику формирования и функционирования Я. Желание у Лакана здесь предстает тем, что подталкивает субъекта к определению как собственно желания, так и своего места в системе означающих как субъекта желающего. В тоже время определить это место для самого субъекта невозможно. Как уже было сказано, в его логике возникает представление о «пустом месте», месте неразрешимого желания, которое нельзя, замечает Лакан, в границах одной логики определить и одновременно иметь как объект желания. Продуктивным моментом лакановского анализа можно считать и то, каким образом раскрываются временные характеристики конституирования субъекта. Как во многом справедливо замечает Лакан и данный момент был подхвачен его последователями, субъект формируется ретроактивно. Яркий и забавный пример такого ретроактивного формирования субъекта приводит последователь Ж. Лакана Славой Жижек. На улице полицейский окрикает некоего прохожего «Эй ты, стой!». На деле в этот момент на улице не один, а много проходящих людей, однако в тот миг, когда кто-то поворачивается или останавливается, он как раз и становится тем субъектом, к которому обращается полицейский. Другими словами субъект лишь потом, вслед за некоторым актом и в каком-то смысле задним числом включает свою субъективность в систему означающих.

Таким образом, невозможное есть не-совозможное как не-совозможность каких-то Событий мира. Сингулярность осуществляя некую возможность мира как то или иное Событие, по сути представляет через него некую не-совозможность, которая в каком-то смысле первичнее возможности, Сингулярность, таким образом, это место не-совозможности как место, где не-совозможность обнаруживается как более первичная, чем со-возможность. Не-совозможность схождения (со-хождения) некоторых серий может обнаруживаться в мире по-разному, например, как не-совозможность серий предикатов.

Однако замеченная, обнаруженная, не-совозможность, будучи высказана в качестве сингулярности, ставит под сомнение привычную «данную» нам со-возможность. Любое осмысление таким образом, особенно философское осмысление, является переструктурированием привычной формы совозможностей, созданием нового мира возможностей. Так, например, осмысление со-возможности предикатов «зеленый» и «цвет», разрушает возможность бессомнительного соединения этих предикатов в качестве родо-видового соединения. Возможно, что существуют другие возможности соединения этих предикатов.

Сингулярность – это Событие, нулевое измерение, точка непрерывного уточнения, в результате этого уточнения превращающаяся в серию. Событие, стягивает все события в себе, воспроизводя в себе структуру бытия – бесконечное погружение вглубь себя, фрактала. Здесь же создается и основной парадокс сингулярности, парадокс неразрешимости внешнего-внутреннего. Структура сингулярного, а значит, и структура бытия подразумевает единство микро и макроструктуры, отмеченное еще Лейбницем. Здесь уместно возникает вопрос о возможности адекватного воспроизводства элементов структуры внутри самой себя. Это тот вопрос, который в рамках новоевропейской метафизики субъективности определяется как вопрос возможности адекватного представления в рамках логики субъективности. Однако различие здесь оказывается достаточно существенным. В рамках метафизики субъективности делается попытка определить *основания* такого адекватного представления. В логике же сингулярного неизбежно возникает вопрос о природе границы между представляющим и представляемым. Вопрос, подрывающий возможность достоверного полагания оснований. Вопрос неразрешимый по своей сути, так как сама эта граница не может быть включена внутрь ландшафта сингулярности. Невозможно дать такое представление о мире, которое бы содержало описание мира и собственное описание, невозможно дать такое описание бытия, в котором граница этого «внешнего» и «внутреннего» была зафиксирована. Различными современными философами это определяется различным образом – неразрешимость фрактальной геральдической структуры (*mise en abyme*) у Ж. Деррида, парадоксальная неразрешимость Геделя как невозможность полного воспроизведения или описания структуры внутри самой себя. У М. Хайдеггера эта же мысль озвучивается как идея переплетенности структур бытия, бытия и языка, как переплетенности такого рода, в которой теряется однозначность границы между ними.

Как уже было сказано выше Сингулярность – это точка непрерывного уточнения, в результате этого уточнения превращающаяся в серию и, в конечном итоге, в серию линий, Плоскость. Сингулярность потому, в конечном итоге, является точкой рождения плоскости. Сингулярность существует подобно точке фрактала, из которого в результате его развертывания строится структурно определенная плоскость-мир. Точка фрактала создает в своем развертывании мир. Сингулярность, как отмечает Делез, независима от своих актуализаций. Актуализация всегда вызвана самой сингулярностью, она является ее пролиферацией в другой точке. Нет никаких различных аспектов одного События как способов видения или интерпретаций одного События, производимых из происшествий. Существует одно Событие, которое серируется. Существует

Событие, которое как сингулярность длит себя в серии сингулярностей. Будучи сингулярностью сериации, сингулярность создает возможность Событий или возможность События. Сериация События – это различные события, собранные в виде «взглядов» на одно Событие, по сути в виде их возможности. Изначальная такая сингулярность, где сингулярности в своей сериации распространяются так, что производят или, другими словами, находят возможными другие сингулярности, одновременно и в качестве возможных и в качестве невозможных. Это означает, что любая сингулярность производит складывание точек сингулярности в своей точке. Иначе говоря, поскольку сингулярность первичнее заполняемого пространства, которое действительно вслед за Делезом можно представить как пространство плоскости, как пространство, лишённое глубины и высоты, то сингулярность оказывается всегда первичнее своей сериации уже хотя бы потому, что всегда имеется одна сингулярность.

Существует только одна сингулярность и все другие можно представить как линии ее сериации. Топологически сингулярность складывает пространство плоскости-мира в «гармошку» и тогда все точки других сингулярностей оказываются собранными действительно в одну точку в силу того, что плоскость, не имея глубины, позволяет это полное геометрическое совпадение всех точек в одной. Такое складывание означает, что в этой сложной или сложенной точке существует уже не сингулярность, а индивидуальность как место складывания множественных точек в одной. С другой стороны сингулярность, сохраняя свои характеристики единственной точки, остается сингулярностью. Здесь можно отметить, что всегда существует некоторое собиранье, складывание многих точек в одну, которое приводит, с одной стороны, к созданию индивидуального или конкретного, которое по своей сущности отлично от сингулярности, а на другом полюсе этой логики к созданию Единого, которое опять-таки является таким же симулякром, как и индивидуальное. В результате подобного «топологического» строения снимается вопрос о том, что является первоначальным – состояние, когда точки рассыпаны на поверхности «развернутой» плоскости, собственно и, образуя ее или состояние, когда поверхность сгибается таким образом, что точки на плоскости совпадают и собираются в одну точку и все другие презентуются через нее. У этой плоскости сингулярности нет «правильного» состояния, она сгибается и разгибается, приводя каждый раз к совпадению тех или иных сингулярностей на этой плоскости.

Это действие сгибания отсылает к другому понятию современной философии, понятию складки (Pli). Сгибание плоскости приводит к реализации некоторой не-возможности, определяющей

строение мира и в этом смысле являющейся оборотом определенной возможности. Совпадение некоторых точек, создающее определенную конструкцию мира, означает, что ряд точек не совпали в действии сгибания плоскости. Это принципиальное несовпадение и является не-совозможностью. Не-совозможность здесь является не только исходной организацией строения мира, но и местом откладывания Различия. Топологическое сгибание-собрание может как вести, так и не вести к собиранию тех или иных точек сингулярности.

Очерченная выше топология, до некоторой степени описывает и способ существования телесности. Тело, как тело без органов, можно представить как плоскость, которая в своем сгибании наталкивается на себя и так определяет себя. Точка, в которой происходит столкновение тела с самим собой, по сути, является одной точкой, точкой События или сингулярности, определяющей способ телесности. Эта единственная точка в своей сериации или, другими словами, в своем «дрейфе» создает одну пролиферированную точку или, что одно и то же, серию точек. Эта серия в первую очередь является серией опыта касаний тела к самому себе и лишь впоследствии в результате такого опыта эта серия распадается таким образом, что одна точка, оформившаяся в результате столкновения тела с собой, становится множеством, дублируя множественность возможностей сгибания плоскости тела.

Автор, конечно, далек от мысли, что в этой небольшой статье удалось раскрыть все возможности понимания сингулярности. Вместе с тем, очевидно, что данное понятие предоставляет возможность для нового понимания целого ключевых для философии вопросов. Кроме того, понятие сингулярности обнаруживает свой эвристический потенциал, демонстрируя возможность продуктивного и разнообразного сочетания с целым рядом других современных понятий.

«ПРИЗРАКИ КИНО»: ОБИТАЕМЫЙ ГОРОД

А. В. Севастеенко

кандидат философских наук, заведующая учебно-методическим сектором, ученый секретарь Ученого совета Гуманитарного университета, г. Екатеринбург

... В кино ходят для того, чтобы дать
облик и слово обитающим в себе призракам...
Жак Деррида

В одном из своих последних интервью, опубликованном в апреле 2001 г. журналом «Cahiers du cinéma» (№ 556), Жак Деррида